

КАУЗАЛЬНАЯ АТРИБУЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ФЕНОМЕНА

.....

В.Э. Семёнова¹

Перешагнув границу третьего тысячелетия, человечество помимо радужных надежд на встречу со светлым будущим захватило с собой в качестве своеобразного наследства массу нерешенных проблем, требующих своего переосмысления с учетом новых условий и специфических угроз. К таким животрепещущим, «вечным» темам, вызывающим к современникам, не дающим возможность расслабиться, необходимо отнести преступность.

Социально-экономические преобразования российского общества, становление новой государственности, фундаментальное обновление законодательства, проводимая в стране судебная реформа, направленная на усиление защиты прав и свобод граждан, объявляемые в качестве основных приоритетов открытого демократического общества, делом чести которого декларируется освобождение от любых форм дискриминации, по-новому означили такое социальное явление, как преступность. Переопределение данного понятия с учетом новых социальных условий, постижение его сущности, механизмов функционирования, а также его стереотипного восприятия широкими слоями населения становится необходимым шагом, предваряющим разработку стратегии и тактики нивелирования данного негативного явления.

В этой связи особую значимость могут иметь исследования, посвященные изучению такого социально-психологического феномена, как каузальная атрибуция преступности, позволяющие выявить субъективную интерпретацию людьми причин существования данного явления в условиях недостаточнос-

---

¹ Семёнова Вера Эдуардовна – кандидат философских наук, заместитель декана факультета психологии Нижегородского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Эл. почта: psychology@nfmgei.ru

В сборе эмпирических данных, использованных при создании данной статьи, принимали участие студенты факультета психологии НФ МГЭИ.

ти информации об этих причинах. Важность изученных в результате этого данных может быть обусловлена тем фактом, что приписываемая человеком причина «имеет важные последствия для его собственного поведения, так как “значение” события и его реакция на него детерминированы в большой степени приписанной причиной» [1, с. 69–70].

Люди в своих обыденных поступках не просто наблюдают явления, но анализируют их с целью осмысления сути происходящего. Они стремятся прежде всего понять причины поведения другого человека, и если не хватает информации относительно этих причин, то люди их приписывают. Обычно приписываются стабильные, распространенные, достаточно типичные причины. Ф. Хайдер выделил несколько типов подобных причин, к которым отнес личностные (причина приписывается действию субъекта) и причины, коренящиеся в среде (причины, приписываемые обстоятельствам) [1].

Атрибуция может быть связана с процессом объяснения человеком окружающего мира с научных и обыденных позиций. В научном объяснении сначала получается знание, а затем оно накладывается на действительность. Обыденное объяснение, напротив, целиком субъектно, поскольку познание и объяснение осуществляется конкретным субъектом, находящимся в общении с Другим. Таким образом, в процесс объяснения привносится вся совокупность отношений субъектов. Кроме того, в обыденном объяснении знание немедленно схватывает значение и высвечивает смысл. Поэтому каузальная атрибуция, имеющая дело с обыденным объяснением, представляет собой переход от социального восприятия к социальному познанию, существующему в форме субъективной интерпретации [1].

Такая значимая субъективная информация, во многом определяющая реальное поведение субъектов, может быть описана в качестве социально-психологической составляющей феномена преступности, которая обуславливает степень и меру воздействия на него различных мероприятий, направленных на его искоренение, а также влияет на метаморфозы генезиса самого описываемого явления.

Актуальность обозначенного вопроса побудила нас провести собственное исследование каузальной атрибуции преступности современного российского общества, в ходе которого мы планировали провести опрос и осуществить качественную интерпретацию полученных данных с применением гендерного анализа. Респондентам предстояло ответить на два открытых вопроса:

1. С чем Вы связываете наличие преступности в современной России? Расскажите, что Вы об этом думаете?
2. Кто, с Вашей точки зрения, чаще всего становится преступником? По каким причинам?

Исследование проводилось с января по июнь 2007 г. в Нижнем Новгороде и Нижегородской области. В качестве испытуемых в нем выступили 171 женщина и 171 мужчина возрастной категории от 16 до 75 лет, образовательный уровень которых варьировался от полного (общего) среднего до высшего образования.

Полученные в ходе опроса ответы на вопросы были записаны, а затем на основе качественного анализа отнесены к конкретным смысловым категориям. Рассмотрим более подробно полученные результаты.

В процессе анализа ответов женщин и мужчин на первый вопрос о причинах преступности в современной России было выделено 9 категорий: «социально-экономическая ситуация», «власть», «финансовая депривация», «воспитание», «аддикции», «нормативно-правовая база», «СМИ», «особенности психики», «наследственность». Сложившиеся у женщин и мужчин представления о причинах преступности были отнесены ко всем указанным смысловым категориям, степень значимости которых для каждой из гендерных групп нашла свое отражение в табл. 1.

Таблица 1

Особенности представлений испытуемых о возможных причинах наличия преступности в современной России, %

Категории	Женщины		Мужчины		Ф
	Кол-во	%	Кол-во	%	
Социально-экономическая ситуация	88	19,5	99	21,9	0,89
Власть	40	8,8	66	14,6	2,73 (p≤0,01)
Финансовая депривация	52	11,5	57	12,6	0,51
Воспитание	119	26,3	84	18,6	2,78 (p≤0,01)
Аdditкции	39	8,6	42	9,3	0,38
Нормативно-правовая база	37	8,2	48	10,6	1,23
СМИ	45	10	28	6,2	2,12 (p≤0,01)
Особенности психики	27	6	20	4,4	1,08
Наследственность	5	1,1	8	1,8	0,89
Всего	452	100	452	100	

Как видно из табл.1, наиболее значимыми для женщин оказались такие категории, как «воспитание» (26,3 %), «социально-экономическая ситуация» (19,5 %) и «финансовая депривация» (11,5 %), меньше всего упоминаний относилось к категориям «наследственность» (1,1 %), «особенности психики» (6 %)

и «нормативно-правовая база» (8,2 %). К средним по значению были отнесены категории «аддикции» (8,6 %), «власть» (8,8 %), «СМИ» (10 %).

Что касается ведущей позиции категории воспитания, то подобного рода факт, с нашей точки зрения, вполне согласуется с существующим в обществе традиционным разделением на социальную / мужскую и приватную / женскую сферы [3; 4]. В соответствии с подобной идеологией в процессе гендерной социализации за женщинами закреплялись роли хранительницы домашнего очага и естественной воспитательницы подрастающего поколения. Таким образом, женщины были обречены единолично отвечать не только за физическое, но и моральное здоровье нации. Длительная культурная практика выполнения представительницами женского пола экспрессивных функций наложила несомненный отпечаток на их убеждения, согласно которым (в нашем случае) как наиболее значимая маркируется та часть действительности, в которой они выступают в виде более или менее самостоятельных субъектов. Относительная независимость женщин в деятельности воспитания обусловлена тем фактом, что они испытывают на себе давление легитимной сексистской идеологии, усвоенные ценности которой некритично транслируют подрастающему поколению, становясь при этом активными акторами дискриминационной политики и практики.

Таким образом, специфически сконструированная социальная компетентность обуславливает маркирование женщинами воспитания в качестве наиболее определяющей причины возникновения преступности. Они полагают, что просчеты и промахи воспитания обуславливают искажение личностной сферы людей, становящихся активными субъектами преступных деяний, тем самым признавая высокую степень собственной ответственности за происходящее в обществе.

В то же время нерационально отрицать тот факт, что особенности любой системы воспитания, несомненно, взаимосвязаны с ведущей идеологией, определяемой социально-экономической ситуацией. Эта позиция находит свое отражение и в результатах нашего исследования. Женщины выделили категорию «социально-экономическая ситуация» как одну из наиболее значимых (19,5 %). Ими отмечалось, что особый разгул преступности стал наблюдаться после начала реформирования нашего государства, которое сопровождалось ростом безработицы, снижением роста производства, расслоением населения и резким падением уровня жизни большинства граждан. Бедственное положение страны, с трудом пытающейся удержаться на плаву в пучине экономических преобразований, с точки зрения испытуемых из числа опрошенных женщин, в большинстве своем подталкивает людей, лишенных государственной поддержки, на преступный путь. Самостоятельно пытаюсь выжить, люди «хватаются за последнюю соломинку», чтобы хоть как-то выровнять свое шаткое положение.

Представляют интерес для анализа высказывания женщин, отнесенные нами к категории финансовой депривации и занимающие третье место по частоте упоминаний. Подобные результаты могут быть проинтерпретированы в связи с особым местом, которое занимают деньги в сознании современного человека. На сегодняшний день они обрели абсолютную самоценность [7], позиционируются в качестве эквивалента счастья. Современная западная культура наделяет деньги сакральным смыслом, превращает в условие самореализации и самораскрытия личности. Деньги маркируются в виде основного средства духовного познания и роста, а также социально-психологического благополучия, посредством которого человек успешно вписывается в навязываемые каноны деньговорота. Поэтому вполне очевидна столь высокая роль денег, которую отводили испытуемые женщины из нашей выборки в плане существования преступности. Недостаток финансов, ощущаемый людьми, воспринимался как достаточный повод для трансформации добропорядочного (ой) гражданина (ки) в правонарушителя. Деконструкция современного смысла понятия денег делает подобную позицию абсолютно прозрачной, доступной для понимания.

Анализируя приписываемые женщинами причины существования преступности, необходимо констатировать отсутствие достаточного внимания к категориям «наследственность» (1,1 %), «особенности психики» (6 %) и «нормативно-правовая база» (8,2 %). Фактическое игнорирование наследственного фактора может объясняться высокой оценкой роли воспитания и морали, способных оградить человека от правонарушений даже в самых тяжелых жизненных ситуациях. Схожее объяснение может быть отнесено и к категории особенностей психики.

Традиционная ориентированность женщин на частную сферу, их перегруженность внутрисемейными проблемами, связанными с вопросами взаимоотношений, воспитания и здоровья, вероятно, отчасти объясняют отсутствие достаточной правовой грамотности представительниц женского пола, что во многом, с нашей точки зрения, обусловило отсутствие объективной оценки существующего в России законодательства и его роли в правоприменительной деятельности.

На среднем уровне значимости для испытуемых женщин находились причины, относимые к категориям «СМИ» (10 %), «власть» (8,8 %) и «аддикции» (8,6 %). Указанные понятия интерпретировались представительницами женского пола как оказывающие несомненное влияние на возникновение преступности, однако действующие в виде вспомогательных, дополнительных факторов, усугубляющих отсутствие должного воспитания, наличие тяжелой социально-экономической ситуации и финансовой депривации.

Завершив краткий анализ приписываемых опрошенными нами женщинами причин современной преступности, остановимся на высказанных по этому

поводу суждениях мужчин. В числе наиболее значимых явлений нами зафиксированы социально-экономическая ситуация (21,9 %), воспитание (18,6 %) и власть (14,6 %). Как видно из полученных данных, представленных в табл. 1, первопричиной разгула преступности в стране мужская часть выборки видела в происходящих экономико-политических преобразованиях, результатом которых стало состояние общественной нестабильности и растерянности, с одной стороны, и вседозволенности – с другой.

Мужчина, 25 лет, неоконченное высшее образование, рабочий: *«В нашем обществе разделились люди на богатых и бедных. Человек чувствует себя угнетенным (бедный), из-за этого неравенства происходят некоторые преступления».*

Мужчина, 42 года, высшее образование, служащий: *«Самая основная причина наличия преступности в современной России – это нестабильная социально-экономическая ситуация. Отсутствие в стране социальной защищенности граждан порождает преступность».*

Второй по значимости причиной мужчины определяли воспитание (18,6%). Об этом однозначно свидетельствуют следующие высказывания опрошенных.

Мужчина, 27 лет, высшее образование, служащий: *«В период зарождения демократии (90-е годы) воспитанием подрастающего поколения практически никто не занимался, молодежь была предоставлена самой себе. Лишь единицы сумели преодолеть этот путь становления, получили образование, нашли хорошую работу, начали свое дело. Те же, кто не смог найти себя в современной России, не нашли другого выхода, как заняться преступным ремеслом».*

Мужчина, 32 года, среднее специальное образование, сотрудник внутренних органов, связывает преступность с воспитанием детей в школе.

Мужчина, 35 лет, высшее образование, юрист, причину видит в *кризисе моральных ценностей.*

Мужчина, 48 лет, высшее образование, служащий, считает причиной преступности *низкий уровень образования, культуры людей, духовности.*

Из приведенных примеров становится ясной вся значимость духовных ценностей, которые необходимо транслировать человеку с детства, активно развивать нравственную сферу личности.

Следует отметить, что мужчины, осознавая важность воспитания для общественного процесса (второе место), в отличие от женщин (первое место среди категорий), рассуждали о нем в некоторой степени отстраненно. Дело в том, что мужчины, будучи традиционными участниками социальной сферы, в меньшей степени склонны рассматривать воспитание как поле собственной ответственности, перекладывая ее в большей степени на социальные институты (государство, школа), что непосредственно видно из их высказываний.

Опрашиваемые женщины, рассуждая о воспитании, морали и нравственных ценностях, напротив, демонстрировали взгляд «изнутри», личную сопричастность происходившему. Показательны в этом отношении следующие заявления.

Женщина, 50 лет, высшее образование, кассир: «Родители мало времени уделяют воспитанию детей, большую часть своего времени родители заняты зарабатыванием денег».

Женщина, 50 лет, среднее специальное образование, медицинский работник: «К сожалению, у родителей все меньше времени уходит на воспитание детей, так как, чтобы обеспечить семью всем необходимым, они вынуждены много работать. То есть пример поведения добросовестных родителей уже практически не является элементом воспитания».

Подобного рода достоверные различия относительно воспитания, зафиксированные в пользу женщин ($\varphi = 2,78$ ($p \leq 0,01$)), еще раз свидетельствуют о жестко маркированной по параметру пола гендерной социализации, обуславливающей специфику и своеобразие личностного становления социального субъекта, отличающегося особой системой взглядов и представлений, а также моделью поведения.

Третье место по степени значимости для мужчин занимали причины, отнесенные нами к категории власти (14,6 %), под которой опрашиваемые, вероятно, понимали как государство в целом, так и представителей законодательной и исполнительной власти. Особо подчеркивалась их неудовлетворительная работа, а подчас и просто бездействие, отягощенное коррупцией. Власть как основной атрибут мужественности означает в качестве доминирующей силы, способствующей перераспределению материальных ресурсов и благ, а также определяющей траекторию морально-нравственного развития общества [5]. Возможность обладать столь чудодейственным средством, способным управлять социальными процессами, воспринималась испытуемыми в качестве вполне достаточной для того, чтобы сделать жизнь людей гораздо лучше. Реальная оценка происходящего свидетельствует о нежелании власть имущих использовать данную силу в благих целях, что и вызывало оправданное негодование опрошенных мужчин.

Мужчина, 40 лет, среднее техническое образование, служащий: «Позиция государства показывает, что оно не заинтересовано в уменьшении преступности».

Мужчина, 31 год, высшее образование, служащий: «Халатное отношение со стороны государства, например, правосудие – прав тот, у кого больше денег, или милиция, ей все равно где и что происходит, от которой самим нужно в первую очередь защищаться».

Кроме того, нами был зафиксирован особый приоритет, отводимый мужчинами в вопросах правопорядка, власти, что подтверждается достоверными различиями ($\varphi = 2,73$ ($p \leq 0,01$)).

Как и в случае с женской частью испытуемых, в качестве наименее существенных причин преступности мужчины определили наследственность (1,8 %) и особенности психики (4,4 %). В то же время на третью позицию менее значимых причин мужчины поставили СМИ (6,2 %) (в первую очередь телевидение). По данному параметру были зафиксированы достоверно значимые различия в пользу женщин ($\varphi = 2,73$ ($p \leq 0,01$)), которые называли СМИ гораздо чаще, нежели мужчины (у женщин СМИ на среднем уровне значимости). Подобного рода факт, с нашей точки зрения, может быть связан со спецификой индивидов, представленных в мужской выборке. Большинство опрошиваемых мужчин составили испытуемые трудоспособного возраста, активно строящие свою профессиональную карьеру, в связи с чем, вероятно, меньше времени уделяющие просмотру продукции, навязываемой современными масс-медиа.

В качестве средних по значимости причин, вызывающих рост преступлений в стране, мужчины называли финансовую депривацию (12,6 %), нормативно-правовую базу (10,6 %) и аддикции (9,3 %). Видимо, ощущение отсутствия достаточного количества денег у населения как повод для совершения преступления для мужчин не так важен, как для женщин (помещали среди наиболее существенных причин). По данным отдельных современных исследователей, наиболее обездоленная с финансовой точки зрения часть населения – это женщины [2]. Именно они являются объектами вертикальной и горизонтальной гендерной дискриминации в сфере экономики [6], что, несомненно, сказывается на уровне их материального благополучия. Кроме того, в современном западном мире во главе домохозяйств стоят женщины, несущие основное финансовое бремя по обеспечению материального и морального благополучия семьи. Имея более реальный доступ к денежным ресурсам, мужчины не склонны считать отсутствие средств к существованию определяющей причиной вступления субъекта на путь правонарушений.

В сегодняшней России степень важности для мужчин нормативно-правовой базы, вероятно, может быть объяснена тем, что данная часть опрошенных критически относится к представителям власти, являющимся основными творцами несовершенных законов.

Мужчина, 23 года, незаконченное высшее образование, студент: *«Преступность связываю с законами, существующими больше для бедных».*

Мужчина, 44 года, высшее образование, служащий: *«В России нет органа власти, который сам бы исполнял все законы».*

Что касается аддитивных проявлений (алкоголизм, наркомания, игромания и т.д.), то отсутствие должного внимания к ним со стороны мужчин, по

нашему мнению, может быть объяснено тем, что в культуре нашего народа сформировалось если не положительное, то снисходительное отношение к отдельным «слабостям» (пьянство). В связи с низким уровнем психологической грамотности и неразвитостью психологической помощи населению алкоголь и наркотики в России относятся к числу немногих средств, способствующих снятию стрессов, которым в большей степени оказываются подвержены именно мужчины как заложники более строгих социальных требований к собственной гендерной идентичности и состоятельности. По этой причине среди современных мужчин аддиктов оказывается больше, чем женщин, несущих основную ответственность за семью и детей.

Резюмируя изложенный материал, необходимо отметить, что в ходе качественного анализа высказываний женщин и мужчин на предмет обозначения основных, с их точки зрения, причин существования преступности в современной России нам удалось зафиксировать некоторое качественное своеобразие позиций испытуемых, обусловленное их гендерной принадлежностью. По нашему мнению, гендерная составляющая наряду с такими категориями, как этническая принадлежность, возраст, образовательный уровень и социальный статус, накладывает свой отпечаток на специфику субъективных представлений индивидов о различных социальных явлениях, а следовательно, в некоторой степени может кодировать определенные поведенческие шаблоны.

Вторым этапом нашего исследования был анализ представлений женщин и мужчин относительно предполагаемой личности преступника. С этой целью нами задавался открытый вопрос: «Кто, с Вашей точки зрения, чаще всего становится преступником? По каким причинам?» Итогом опроса стало получение достаточно богатого в содержательном плане фактического материала, нашедшего свое отражение в табл. 2.

Таблица 2

Специфика представлений испытуемых о предполагаемой личности преступника, %

Категории	Женщины		Мужчины		Ф
	Кол-во	%	Кол-во	%	
Дети из неблагополучных семей и социальные сироты	102	29,6	66	19,6	3,04 (p≤0,01)
Бывшие правонарушители	8	2,3	6	1,8	0,46
Безработные	10	2,9	25	7,4	2,72 (p≤0,01)
Аддикты	43	12,5	57	17	1,65 (p≤0,01)
Люди с психическими отклонениями	61	17,7	54	16,2	0,52

Любой человек при неблагоприятных обстоятельствах	21	6,1	20	6	0,05
Несовершеннолетние, молодежь	40	11,6	31	9,3	0,98
Бедные	18	5,2	27	8	1,48
Богатые	7	2	18	5,4	2,41 (p≤0,01)
Представители власти	10	2,9	15	4,5	1,18
Одинокие	0	0	3	0,9	2,47 (p≤0,01)
Дети из благополучных семей	13	3,8	0	0	5,1 (p≤0,01)
Социальные лентяи	10	2,9	12	3,6	0,52
Женщины	2	0,5	0	0	1,85 (p≤0,01)
Мужчины	0	0	1	0,3	1,43
Всего	345	100	336	100	

Как видно из табл.2, единицами анализа выступили 15 категорий. Остановимся на наиболее значимых из них, с точки зрения женщин. Так, по мнению испытуемых женского пола, в первую очередь группу риска составляют дети из неблагополучных семей и социальные сироты (29,6 %), люди с психическими отклонениями (17,7 %), аддикты (12,5 %), несовершеннолетние / молодежь (11,6 %), а также любой человек при неблагоприятных обстоятельствах (6,1 %).

Интерпретируя полученные данные, можно констатировать: факт значимости воспитания, которую продемонстрировали женщины при ответе на первый вопрос, была подтверждена в связи с обозначением в качестве наиболее склонных к совершению правонарушений детей, воспитывающихся в неблагоприятных социальных условиях. Женщины приписывали склонность к преступным деяниям тем лицам, личностное становление которых было отягощено негативным социальным влиянием окружающих их в детстве близких людей.

Приписывание возможности совершения преступления людям с психическими отклонениями выглядит несколько парадоксально, поскольку при первоначальном обозначении причин преступности категория «особенности психики» маркировалась как наименее важная. Одним из объяснений подобного факта, на наш взгляд, может быть нежелание испытуемых повторяться при ответах на вопросы. Аналогичная картина наблюдалась и в случае категории «аддикты».

Принимая во внимание озабоченность испытуемых женского пола отсутствием полноценного воспитательного воздействия на подрастающее поколение

со стороны семьи и государства, которое отягощено неоднозначной социально-экономической ситуацией в обществе, вполне ожидаемыми стали ответы относительно подверженности преступным влияниям несовершеннолетних и молодежи. Кроме того, чувство растерянности, возникшее у людей в связи со сменой идеологического и социально-экономического курса развития страны, обусловило, по нашему мнению, достаточную распространенность позиции, свидетельствующей о том, что в неблагоприятных обстоятельствах преступником может стать любой человек (6,1 %).

Наименее вероятными преступниками воспринимались богатые (2 %) и бывшие правонарушители (2,3 %). Недостаточное количество упоминаний (0,5 %) было зафиксировано относительно половой принадлежности преступника. В качестве такового обозначались женщины. Вероятно, подобное положение вещей объясняется негласным отнесением к правонарушителям прежде всего представителей мужского пола.

На среднем уровне с точки зрения частоты упоминаний женщинами в качестве возможного преступника расположились бедные (5,2 %), дети из благополучных семей (3,8 %), представители власти (2,9 %), социальные лентяи (2,9 %) и безработные. Данные категории лиц вполне вписывались в общую картину представлений опрошенных женщин о возможных причинах преступности в современной России.

Рассмотрев результаты исследования относительно женской выборки испытуемых, обратим внимание на данные, полученные в ходе опроса мужчин. Как показывает табл. 2, мнение представителей мужского пола, касающееся наиболее вероятной личности преступника, вполне согласовалось с позицией женщин. Так, в качестве основных «кандидатов» в правонарушители мужчины видят детей из неблагополучных семей и социальных сирот (19,6 %), аддиктов (17 %), людей с психическими отклонениями (16,2 %), несовершеннолетних и молодежь (9,3 %) и бедных (5 %). Однако следует отметить, что относительно первой из перечисленных категорий нами были выявлены достоверные различия в пользу женщин ($\varphi = 3,04$ ($p \leq 0,01$)), что подтверждает большую включенность женщин в процессы воспитания, обозначенные для них традиционной гендерной идеологией в виде основной сферы компетентности. Достоверные различия были зафиксированы и по параметру «аддикты», но уже в пользу мужчин ($\varphi = 1,65$ ($p \leq 0,01$)), что неоднозначно свидетельствует о восприятии мужчинами данной социальной категории людей в качестве несомненной угрозы для поддержания правопорядка.

Наименее вероятными преступниками опрошенные мужчины считают одиноких, оставшихся без поддержки близких людей (0,9 %), и бывших правонарушителей (1,8 %), причем последние воспринимались подобным образом и женщинами. Интересно, что категория «одинокие» представлена только в высказываниях мужчин. Возможно, лишение поддержки со стороны родственни-

ков (особенно жены), при помощи которых компенсируется ряд материальных и моральных затрат на поддержание собственной жизни, наиболее ощутима прежде всего мужчинами, для которых в обычных условиях приватная сторона существования по большей части представлена лишь в виде получения благ, нежели выполнения обязанностей.

В свою очередь обозначенные женской частью опрошенных категории «женщины» и «дети из благополучных семей» в мужской выборке отсутствовали. Подобного рода факт может свидетельствовать о том, что мужчины, ориентированные на внешние социальные достижения, в своей семье часто превращаются в «редких гостей», далеких от множества трудностей и сложностей, связанных с воспитанием детей в благополучных по многим параметрам семьях. Такое положение вещей подтверждается самим характером высказываний мужчин, видевших под неблагополучными семьями прежде всего семьи с родителями-алкоголиками и наркоманами. Отсутствие заявлений о возможности становления правонарушителями женщин может быть объяснено сложившимся стереотипом преступника, в роли которого непременно выступает мужчина. В этой связи наверняка неслучайным выглядит незначительное число упоминаний мужчины в качестве преступника (0,3 %).

К средним по степени значимости категориям мужчины отнесли безработных (7,4 %), любого человека при неблагоприятных обстоятельствах (6 %), богатых (5,4 %), представителей власти (4,5 %) и социальных лентяев (3,6 %). При этом наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет факт зафиксированных нами достоверных различий по параметру «безработные» ($\varphi = 2,72$) ($p \leq 0,01$) и «богатые» ($\varphi = 2,41$) ($p \leq 0,01$) в пользу мужчин. По нашему мнению, испытывая на себе жесткие требования к собственной гендерной идентичности, основными показателями которой являются власть, деньги и успех, мужчины склонны ассоциировать подобные атрибуты мужественности с профессиональной деятельностью. Поэтому потеря работы может ощущаться как своеобразный крах, трагедия собственной несостоятельности, выход из которой возможен лишь при условии преодоления легитимных способов обладания символами мужественности. Одну из таких возможностей предоставляет криминальная стезя – теневая сторона социальной реальности, вытеснившей субъекта за свои пределы.

Идентичными могут быть и причины достоверных различий по параметру «богатые». Состоятельные люди обладают деньгами, которые способны приоткрыть для человека казавшиеся ранее недоступные области, и потому воспринимаются обывателями как индивиды, готовые на все ради получения еще большей прибыли. Учитывая сложную социально-экономическую ситуацию, испытываемые осознавали, что *«заработать деньги невозможно, их легче украсть»*, как сказал один из опрашиваемых.

В заключение отметим, что в ходе исследования нам удалось зафиксировать некоторые гендерные различия в характере приписываемых причин преступности, а также в представлениях об образе потенциального преступника. Несомненным становится тот факт, что социальная реальность по-разному открывается перед женщинами и мужчинами, что проявляется в специфике системы представлений и предпочтений, а также в моделях реагирования и социального поведения, что имеет социальные последствия для обеих гендерных групп и для конкретных индивидов.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000.
2. Балабанова Е.С. Гендерный подход в экономической социологии // Социология гендерных отношений: Учеб. пособие. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
3. Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций. М.: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001.
4. Воронина О.А. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. Горных А.А. Власть // Современный политологический словарь / Под ред. В.И. Даниленко. М.: NOTA BENE, 2000.
6. Мезенцева Е.Б. Теоретические подходы к гендерной экономике // Теория и методология гендерных исследований: Курс лекций. М.: МЦГИ-МВШСЭН-МФФ, 2001.
7. Фенько А.Б. Психологический анализ отношения москвичей к деньгам // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2.